

М. В. Ясинская

Институт славяноведения Российской академии наук

Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0001-9137-6668

E-mail: marusiaya@gmail.com

Образ границы и соседей в восприятии словенского этнического меньшинства в Италии (провинция Гориция)*

АННОТАЦИЯ. В статье на материале полевых записей, сделанных в провинции Гориция в 2017–2019 гг., анализируются рассказы словенцев о границе между Италией и Словенией (до 1991 г. — Югославией) — «пограничные нарративы». Выделяются основные мотивы и темы данных нарративов: мотив дома, несколько раз менявшего адрес; тема прокладывания границы; мотив разделения родственников, хозяйства, имущества; тема пересечения границы; тема контрабанды. Граница в нарративах может выступать в качестве пространственного и временного ориентира. В пограничные нарративы также органично вписаны темы «своего» и «чужого» (стереотипы о соседях, язык, имена, топонимы, традиционная культура). Неотъемлемую часть пограничных нарративов составляют рассказы об италиянизации словенцев в период фашизма (1920 — начало 1940-х гг.), которые характерны прежде всего для информантов старшего поколения. В рассказах о границе актуализируются проблемы самоидентификации, так как словенское меньшинство в Италии противопоставляет себя не только окружающему иноэтническому романскому большинству, но и своим соотечественникам — словенцам из материковой Словении, о чем свидетельствует наличие коллективно-территориальных прозвищ. Граница в нарративах является важнейшим маркером идентичности для жителей данного региона (которые характеризуются как «люди пограничья»).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: словенцы в Италии, пограничье, устная история, полевые исследования, нарратив, свой и чужой, италиянизация, идентичность, словенский язык, итальянский язык

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Ясинская М. В. Образ границы и соседей в восприятии словенского этнического меньшинства в Италии (провинция Гориция). *Этнография*. 2021. 1 (11): 50–74. doi 10.31250/2618-8600-2021-1(11)-50-74

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РНФ № 20-78-10030 «Языковые и культурные контакты в условиях социальных трансформаций у национальных меньшинств альпийско-паннонского региона» (рук. Г. П. Пилипенко).

M. Yasinskaya

Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0001-9137-6668
E-mail: marusiaya@gmail.com

The Image of the Border and Neighbors in the Perception of the Slovenian Ethnic Minority in Italy (Province of Gorizia)*

ABSTRACT. The paper discusses the perception of border between Italy and Slovenia (before 1991 — Yugoslavia) by Slovenes — “the border narratives”. The paper is based on field data collected in province of Gorizia in 2017–2019. The main motives and themes of these narratives are the motive of a house which changed its address several times, the theme of establishment of border controls; the motive of divided relatives, farms and property; the theme of border crossing and the theme of smuggling. The border in narratives can act as a spatial and temporal reference point. Border narratives also include themes of “own” and “alien” (stereotypes about neighbors, language, names, toponyms, traditional culture). The stories about the Italianization of Slovenes during the period of fascism (1920 — early 1940s) makes an integral part of border narratives. These stories are typical, first of all, for informants of the older generation. The border stories actualize problems of self-identification, since the Slovenian minority in Italy opposes itself not only to the surrounding Romance majority, but also to the Slovenes from Slovenia, that is manifested in collective territorial nicknames. The idea of border in narratives is also a very important identity marker for the residents of this region (who are described as “borderland men”).

KEY WORDS: Slovenes in Italy, borderlands, oral history, field research, narrative, own and alien, Italianization, identity, Slovene language, Italian language

FOR CITATION: Yasinskaya M. The Image of the Border and Neighbors in the Perception of the Slovenian Ethnic Minority in Italy (Province of Gorizia). *Etnografija*. 2020. 1 (11): 50–74. (In Russ.). doi 10.31250/2618-8600-2021-1(11)-50-74

* The study was carried out with the financial support of the RSF grant No. 20-78-10030 “Language and cultural contacts in the conditions of social transformations among national minorities of the Alpine-Pannonian region” (G. P. Pilipenko).

ВВЕДЕНИЕ

В последние десятилетия в гуманитарной науке в Европе наблюдается всплеск интереса к проблемам пограничья, отчасти это может быть объяснено объединением ряда европейских государств в Европейский союз и образованием Шенгенской зоны, в связи с чем границы на этих территориях расширились, изменились, перестали играть свою прежнюю роль. Всестороннему изучению различных пограничных зон посвящается множество научных проектов, конференций, публикаций. Из недавних работ можно упомянуть изданную коллективом географов монографию, в которой исследуются проблемы российского пограничья (Российское пограничье... 2018); труды белорусских и польских лингвистов и культурологов, изучавших польско-белорусское и польско-украинское пограничье (Чмелик 2012; Engelking 2012; Na pograniczu... 2010; Zowczak 2015; Белова 2016); специальный выпуск сербского журнала «Folkloristika», содержащий статьи по теме пограничья (Фолклор... 2019). Результатам исследований различных пограничных территорий славянского языкового и культурного пространства посвящен сборник, вышедший в 2016 г. (Palgrave Handbook... 2016); о проблемах миграции, изменении границ и идентичностей в Восточной Европе говорится в статьях, вошедших в сборник, опубликованный в Софии в 2015 г. (Contextualizing Changes... 2015).

Пограничье, о котором пойдет речь в настоящей статье, — это итальянско-словенское пограничье: в фокусе нашего внимания находятся словенцы (этническое меньшинство), проживающие на территории современной Италии вдоль итальянско-словенской границы (Dapit 1995; Stranj 1999; Živeti mejo... 2007; Zamejski... 2019). В силу исторических обстоятельств этнические границы в этом регионе (как и на многих других приграничных землях) не совпадают с государственными, несмотря на то что одним из основных принципов, которым руководствовались во время демаркации итальянско-югославской границы после Второй мировой войны, был этнический состав населения спорных территорий (Мартынова 2016: 147)¹. Словенское население представляет собой крупнейшее автохтонное этническое меньшинство, которое живет на этих землях с VI в. В настоящее время оно проживает на северо-восточном приграничье Италии, на востоке региона Фриули-Венеция-Джулия (провинции Триест, Гориция и Удине) вдоль границы со Словенией от Триеста на юге, а на севере — до точки, где сходятся границы Австрии, Италии и Словении (Пилипенко 2015: 384–385; Мартынова 2016: 148–149).

¹ Триест находился под властью Югославии лишь короткий период с 1 мая по 12 июня 1945 г. (с момента его освобождения от немецкой оккупации и до того времени, когда югославская армия была вынуждена сдать Триест под давлением англо-американских союзников, установивших в нем свое правление).

Современная государственная граница между Италией и Югославией (с 1991 г. — Республикой Словенией) была установлена сравнительно поздно, лишь после Второй мировой войны², то есть это событие еще помнят люди старшего поколения (1920–1930-х годов рождения), более молодые знают о нем по рассказам своих отцов и дедов. Со слов своих дедов пожилые информанты вспоминают и о распаде Австро-Венгрии после Первой мировой войны, и о том, как территория, на которой те проживали, отошла к Италии.

Работая в этом регионе в экспедиции в 2017–2019 гг.³ и расспрашивая наших информантов об их жизни на пограничье, мы столкнулись с особым типом нарративов — рассказами, посвященными собственно границе: как прокладывалась государственная граница, каким был режим ее пересечения, что разрешалось и что запрещалось проносить через границу, как жители обходили эти запреты, занимаясь контрабандой (слн. *švercanje, tihotapljenje*). Подобного рода «пограничные тексты» характерны для провинций Гориция и Триест, так как на этих территориях граница была установлена сравнительно недавно — в 1947 г., тогда как Венецианская Словения⁴, например, находилась в составе Италии уже с 1866 г. (Мараш 2012: 75–76; Ravnik 2004: 31). Эти рассказы неразрывно связаны с исторической памятью (как индивидуальной, так и коллективной) — через них из поколения в поколение передаются воспоминания о прошлом семьи и родного дома, о судьбах дедов, родителей и детей. Следует подчеркнуть, что интересующая нас территория на протяжении довольно короткого периода несколько раз сменяла государственную принадлежность, а вместе с ней менялся и политический строй: Австро-Венгрия, Италия — с одной стороны, Югославия, Словения — с другой. Например, граница между Югославией и Италией была и осознавалась одновременно и как граница между социалистическим и капиталистическим мирами. Соответственно, с течением времени претерпевал трансформации и пограничный режим. Если при социализме граница была строго охраняемой территорией, то сейчас граница между Словенией и Италией прозрачна, ее фактически не существует, так как оба государства в настоящее время входят в Европейский союз (с 2004 г.)⁵. Однако граница все

² Об этапах и процессе демаркации итало-словенской границы после Второй мировой войны см.: (Мараш 2012: 76; Токарев 2020).

³ Подробнее о первой экспедиции см.: (Пилипенко, Ясинская 2018а).

⁴ Венецианская Словения (Фриульская Словения) (слн. *Benečija, Beneška Slovenija*) — историческое название области компактного проживания этнических словенцев на территории современной Италии в провинции Удине, прилегающей к итальянско-словенской границе.

⁵ Впрочем, события 2020 г. показали, что в экстренных случаях старые границы могут быть восстановлены: весной 2020 г. граница между Италией и Словенией снова оказалась закрыта из-за угрозы распространения новой коронавирусной инфекции, крупные пограничные пункты работали в пропускном режиме, а периферийные были перекрыты полностью.

еще сохраняется в памяти жителей (в том числе и в качестве ориентира, как пространственного, так и временного). Таким образом, в нарративах о границе речь идет о пограничье не только географическом, но и историческом — связанном со сменой правлений, государств, исторических эпох. Подобным воспоминаниям, а именно индивидуальной и коллективной памяти о границе между Югославией и Италией в изложении сразу трех поколений (очевидцев установления границы, их детей и их внуков — как со словенской, так и с итальянской стороны), посвящены работы итальянского исследователя А. Каттунара (например, см.: Cattunar 2014; 2019). Изучив воспоминания трех поколений, А. Каттунар проследил динамику трансформаций исторической памяти о границе.

Во время своего полевого исследования мы были сосредоточены в основном на работе со старшим поколением информантов (1930–1940-х гг. р.), среди интервьюируемых было также несколько представителей среднего поколения (родившихся в 1960-е гг.), младшее поколение вообще не входило в круг наших собеседников. Соответственно, хронологические рамки исследования обусловлены возрастом информантов и рамками их культурной памяти. Мы не ставили перед собой задачу изучить историческую память в диахроническом аспекте, мы пытались получить как можно более ранний срез воспоминаний, поэтому ограничились именно таким кругом информантов. Таким образом, материалом для настоящей статьи послужили нарративы, записанные по большей части от представителей старшего поколения словенцев в провинции Гориция. Для анализа привлекаются также единичные свидетельства жителей Венецианской Словении; в качестве сравнения приводятся фрагменты из интервью с жителями провинции Триест, опубликованные в (Пилипенко 2015); за рамками остались Канальская долина и Резия, требующие дополнительного более детального изучения. При работе с информантами был использован метод полуструктурированного интервью с минимальным (по возможности) вмешательством собирателя.

В настоящей статье проанализированы устойчивые мотивы, встречающиеся в «пограничных» рассказах, а также (во второй части работы) кратко очерчен круг других тем, непременно присутствующих в повествовании о жизни на пограничье: представления о «своем» и «чужом» (языке, именах и топонимах, народных традициях). Эти темы являются своего рода «рамкой», в которую органично вписываются собственно рассказы о границе; их также можно считать частью «пограничных нарративов», так как именно в них затрагиваются важнейшие вопросы, касающиеся самоидентификации жителей пограничья.

«МИГРАЦИЯ» ГРАНИЦЫ

Одним из наиболее характерных мотивов в рассказах о границе является мотив дома, несколько раз менявшего свой «адрес»: то есть дом, находясь на одном и том же месте, на протяжении жизни нескольких поколений его жильцов оказывался на территории различных государств — Австро-Венгрии, Италии, Югославии⁶, Словении:

(1) Мой дед <...> он родился и служил в австро-венгерской армии. Мой отец родился в том же самом доме в 1920 году уже в Италии, я, Юрий П., я родился в 1957 году в том же самом доме в Югославии, мой сын, когда вошел в тот же самый дом, это было уже в Словении, то есть четыре поколения эта граница перемещалась туда-сюда (*ta meja se je premikala gor in dol*)⁷ (JP, Gorizia).

Вместе с домами гражданство по несколько раз меняли и сами жители, причем информант в следующем нарративе (текст № 2) подчеркивает, что это характерная особенность жителей именно данного региона, которую трудно понять людям извне:

(2) И потом здесь прошла граница, сто пятьдесят метров отсюда была граница, с бывшей Югославией, и так мы тут постоянно были, и когда меня кто-нибудь спрашивает, как же вы, словенцы, я говорю, что я в моей жизни четырежды менял хозяина... (*sem zamenjal štirkrat gospodarja*). Если вернуться к той истории, мой отец шесть раз менял хозяина, он был 1906 года рождения... Так кому-то трудно понять эти обстоятельства, что я должен был четыре раза менять национальную принадлежность (*bi moral štirkrat zamenjat narodnost*), иначе никак... (AK, San Floriano del Collio).

ГРАНИЦА КАК ОРИЕНТИР

О значимости границы и важности ее места в сознании жителей приграничных территорий свидетельствует тот факт, что граница была и до сих пор остается важным пространственным ориентиром. Сами жители в нарративах постоянно подчеркивают свое пограничное положение:

⁶ Демократическая Федеративная Югославия (с 1945 г.), Федеративная Народная Республика Югославия (ФНРЮ) (с 1946 г.), Социалистическая Федеративная Республика Югославия (СФРЮ) (с 1963 г.).

⁷ Все тексты нарративов ради экономии места даются в переводе автора, там, где это необходимо, в скобках приводятся словенские слова не в фонетической, а в упрощенной транскрипции, отражающей основные черты диалекта. Подробнее о чертах диалекта см. (Дуличенко 2017: 247; Smole 1998: 1–5).

(3) Мы уже тогда жили практически на границе (*smo bli ob meji*), перед Первой мировой войной... то есть тогда ощущалось влияние Италии, ну... (ZK, Gorizia).

(4) Я всегда жил в Горице, прямо в Горице, там, где сейчас эта... граница (*kjer je zdej ta... meja*), да я и сейчас живу там совсем близко (ML, Gorizia).

(5) Я родился, сейчас это Словения, где я родился, Верхнее Церово, около Штеверьяна, первая деревня от Штеверьяна через границу и есть Церово (*prva vas od Števerjana čez mejo in je Cerovo*)... (ZK, Gorizia).

Сам момент установления границы является важной точкой в жизни людей, временным ориентиром при повествовании о других событиях:

(6) Когда прошла новая граница (*ko je prišla meja nova*) между Италией и Югославией... поскольку мы приехали из Югославии в 47-м, когда появилась граница, отец решил, что приедет в Италию, то есть домой, потому что мы жили здесь, мы отсюда родом (AK, Gorizia).

ПРОКЛАДЫВАНИЕ ГРАНИЦЫ. ГРАНИЦА КАК РАЗДЕЛЯЮЩИЙ ФАКТОР

Когда была проложена граница, она прошла прямо по живому, разделив пополам целые деревни и даже отдельные хозяйства, что также находит отражение в рассказах информантов. Чтобы подчеркнуть абсурдность сложившейся ситуации, часто используются комические детали. Например:

(7) ...я живу прямо на границе (*jaz živim prav na meji*), тогда, в 1947 году, прокладывали границу и решали, как она пройдет. Она прошла прямо диагонально по нашему сараю, по хлеву. У нас были коровы, которые ели в Югославии, а испражнялись, можно сказать, в Италии (*Mi smo meli krave, ki so jedle v Jugoslaviji, srale bi, rekli, v Italiji, ne*). И прямо этим порошком, с помощью него прокладывали, и у нас есть прямо одна фотография, на которой корова, она прямо стоит на этой черте (ML, Gorizia).

Граница разделила хозяйства ближайших родственников, часть недвижимости осталась в Италии, часть — в Югославии:

(8) В 1947 году была проведена граница, и дом моей матери остался в Югославии, недалеко от границы, какие-то двести-пятьсот метров, семьсот метров ... мы там, в доме моей мамы, мы жили там, а у отца был дом в Италии (ZK, Gorizia).

Несколько наших собеседников упоминали специальные пропуска для пограничных жителей (см., например, тексты № 9, 10), у которых были дома, хозяйственные постройки или земельные наделы по обе стороны границы (слн. *dvolastniška prepustnica*):

(9) Сначала на границе ничего не было, а потом у того, у кого была земля с той стороны, тот получал специальный пропуск (*je dobil dvolastniško, eno tako prepustnico*), чтобы было можно идти работать на свой участок, так было. Моя мама, поскольку у нее было жилище с той стороны (*tam na tisti strani*), по разграничению (*razmejivti*) не стала гражданкой Италии и не получила пропуска, а у отца было хозяйство и он получил пропуск, мама и мы, дети, поскольку родились там, мы должны были подать на гражданство Италии, у нас не было итальянского гражданства, мы автоматически стали гражданами Югославии, хотя мы и родились на территории Италии, а мама родилась при Австро-Венгрии, мы, все дети, родились при Италии (*otroci smo bli rojeni vsi pod Italiju*), у нас не было гражданства, мы должны были подать заявление (ZK, Gorizia).

(10) У нас был особый пропуск (*smo imeli še eno posebno propustnico*), поскольку хозяйство было как в Югославии, так и в Италии, по этому пропуску можно было прямо пройти на свой участок (*da si šou na... na... na tvojo parcelo direktno*), а если бы этого не было и нам нужно было идти на итальянскую сторону назад, заявлять, что нам нужно ехать в Словению, в Словении должны были заявить, что мы приехали, затем ехать назад (ML, Gorizia).

Как можно видеть из нарративов, граница разделила не только деревни, недвижимое имущество, но и людей, даже в пределах одной семьи, создала сложности в повседневной жизни. Вместе с тем она стала важнейшим маркером самоидентификации, в характерную черту, яркую особенность этого региона.

По свидетельству наших информантов, если дом оказывался ровно на том месте, где проходила граница, хозяину давали право выбора, гражданином какого государства он хочет быть:

(11) Была у нас еще особенность, когда прокладывали границу (*ko so vlekli mejo*), те, кто оказался прямо на границе, им дали возможность выбрать. Один был убежденный коммунист, он сказал: «Я останусь в Югославии» (*“Jaz останem v Jugoslaviji”*). И прошла граница, ее провели так, что его дом остался в Югославии, прошли за его домом так, что он с трех сторон дома имел границу с Италией, граница его участка была одновременно государственной границей. А эти пограничники, которые охраняют границу, они

шли не за его домом, а спереди, и сзади он мог переправлять контрабандой что угодно. Другое дело, что через пару лет он пожалел, что остался в Югославии, и сказал: «Лучше я пойду в Италию» (“*Ne, grem v Italijo*”) (ML, Gorizia).

ОСОБЕННОСТИ ПОГРАНИЧНОГО РЕЖИМА

В нарративах также описываются особенности пограничного режима, часто они предстают в диахронической перспективе — рассказчики сравнивают ситуацию раньше и сейчас:

(12) Вы видели, где граница? Вот граница, я вам покажу... граница там, практически где вон тот домик, как говорят, в том домике были внутри полицейские, это все было на нашей земле и трижды перемещалось, то есть... граница была заперта, пока не сняли границы (*meja je bla zaprta dokjer se ni padle meje*)... вечером в шесть часов запирали до восьми часов утра, по праздникам в десять, если была необходимость, если был какой-нибудь международный праздник, тогда продлевали до полуночи, иначе было заперто... а теперь свободно, да (*zdaj pa prosto, ja*) (JK, San Floriano del Collio).

(13) У нас была граница (*smo imeli samo konfin*), и все охранялось, нельзя было фотографировать, нельзя было ничего зарисовывать, ни деревца нельзя было срубить, потому что у военных все было зарисовано, каждое дерево, на их картах (VČ, Lusevera).

Жители пограничья получали специальные пропуска, которые позволяли им ограниченное количество раз пересекать границу, таким образом их статус «людей пограничья» закреплялся документально:

(14) Поскольку мы жили на границе (*ker smo živali tam ob meji*), была особая ситуация, у нас были пропуска (*si tudi imel eno posebno prepustnico*), вы, наверное, слышали, и можно было четыре раза в месяц пройти, и наша семья, которая жила там недалеко, все родственники были сто метров туда вверх, нужно было выбирать (*tam je blo treba odločit*) (ML, Gorizia).

Информанты рассказывали, что местные жители из-за пограничного режима сталкивались с трудностями даже при таких обыденных действиях, как сбор грибов или транспортировка картофеля:

(15) Мы просто иногда грибы или какие-нибудь такие вещи, которые мы шли днем собирать в Югославию (*ki v Jugoslavijo smo šli čez dan pobirat*), потом нельзя их было пронести назад в Италию, мы несли в свой сад

и ждали, пока пройдут пограничники (*graničarji*), и между одним и другим караулом можно было проскочить, двадцать метров вверх в сад, только так пронести грибы, иначе нет... Иначе было опасно. Скажем, когда везли картошку, не шли так, потому что иначе бы все испортили... ты мог тогда заявить, но к тебе бы пришли домой и выясняли, растаможил ли ты ее... собрал ли ты всю картошку... такие были случаи (*so peršli h tebi domov in kontrolira, da si raztovoru, se da... da si cel krompir pobral, ne, naprimer take... take posebnosti so ble*) (ML, Gorizia).

Целой историей оборачивается поимка сбежавшего через границу поросенка:

(16) Я вспомнил, как однажды, я знаю, что у нас там была скотина, и вот у нас сбежал из хлева поросенок (*nam je prasc zbežal s hleva*), убежал... и мы тогда пошли за ним без документов и что-то там... и потом те пограничники, они его увидели... и они пытались там что-то скрыть, чтобы его ночью потом... мне кажется, мама его потом получила, и нам разрешили его забрать домой, иначе бы его захватили в плен и в тот же день бы съели (*če bi ga zaplenli, bi bla pojedena tista, tisti dan*) (ML, Gorizia).

КОНТРАБАНДА

Ряд рассказов посвящен провозу и проносу через границу запрещенных товаров, контрабанде. Объектами контрабанды становились продукты, стиральный порошок и даже метлы:

(17) Соль, кофе... стиральный порошок, скажем, метлы, потому что не было, такие вещи... мясо в обратную сторону. Ну, скажем, стиральный порошок, соль, сахар... кофе... — это обычно, интересно, что даже колеса снимали и наполняли, и так с этими вещами переходили домой, это было обычно (ML, Gorizia).

Проблемам контрабанды на границе Италии и Югославии был посвящен сборник, опубликованный в 2015 г. В него вошли статьи исследователей из Словении, Хорватии и Италии (*Smuggling... 2015*). О том, что контрабанда была важной частью жизни людей, свидетельствует также и то, что недавно на приграничной улице (*Via Rafut*) в Гориции открылся музей контрабанды (*Muzej tihotapstva na Pristavi*)⁸.

Далее кратко очертим круг других тем, неизменно возникающих в рассказах о пограничье, каждая из этих тем требует отдельного рассмотрения, здесь они будут лишь намечены пунктиром, чтобы таким образом

⁸ Об этом музее подробнее см.: <https://go-portal.si/muzej-tihotapstva-na-pristavi-gremo-na-sverc/> (дата обращения: 29.02.2020).

показать тематическую рамку, в которой бытуют собственно рассказы о границе, приведенные выше.

ЛЮДИ ПОГРАНИЧЬЯ: СВОИ И ЧУЖИЕ

Пограничное положение сказывается в целом на мироощущении и мировосприятии людей, живущих в этой зоне, но особенно остро оно проявляется именно у меньшинства, находящегося в иноэтническом окружении, ведь такое меньшинство противопоставляет себя не только непосредственному окружению, но и «материковой» материнской культуре, что может отражаться, например, в специфических локальных коллективно-территориальных прозвищах. Так, согласно версии наших информантов, в языке жителей Венецианской Словении словенцы, живущие в материковой Словении, получили наименование *onejci* (букв. «те, кто с той стороны» — “*Ijudi ki živijo na óni strani meje med Italijo in Slovenijo*”). Однако исследователь словенцев в Италии П. Мерку, изначально уверенный в подобной интерпретации этого прозвища, в конце концов пришел к выводу, что она является этимологически ложной, и следует трактовать данное существительное (*unejci*, *uanejci*) иначе, как производное от наречия *vně* ‘снаружи’, ‘вне’: «I. adv. *draußen*; — II. praep. с. gen. = *zunaj*: *vne hiše* “снаружи”, “вне дома”» (Pleteršnik Т. II: 778). По данным П. Мерку, это прозвище употребляется жителями Венецианской Словении не только по отношению к словенцам, живущим по ту сторону границы, но и применительно к другим словенцам в Италии (например, жители Вишкорши/ Monteaperta так могут называть людей из Проснида/Prossenico и Плестишча/Platischis) (Merku 1999: 309–310). Этой же версии придерживается и Ф. Безлай: «adj. *vněnji*, f. -a “внешний” < **vně-n’bъ*, субстантивированное *vněnjec* (m.), g. -njca “тот, кто снаружи”» (Bezljaj Т. IV: 332). Также встретилось интересное свидетельство, что сама Словения в некоторых говорах может иметь локальные наименования; так, например, в Резии она может называться *Republiko ta Buška* (по диалектному наименованию Бовца — близлежащего населенного пункта в Словении, с которым чаще всего контактировали резьяне)⁹. Вообще тема этнонимов и коллективных прозвищ, бытующих у словенцев в Италии, заслуживает особого дополнительного исследования, так же как и тема взаимных стереотипов, которые мы не будем подробно рассматривать в настоящей статье.

Отношения между словенцами и их романскими соседями на протяжении всего периода их сосуществования не были безоблачными, однако самым тяжелым для словенцев за всю историю стал период

⁹ Источник — устное сообщение Б. Иванчич Кутин, которая подтвердила, что даже на одном из культурных мероприятий в Резии глава общины поблагодарил “*Republiko ta Buško*” за помощь в финансировании этого мероприятия, имея в виду Словению. Ср. также: *búškimu* ‘of Bovec’, *tuw-Búškin* ‘in Slovenia’ (Steenwijk 1992: 245).

фашизма, на него приходится наиболее активная их «итальянизация» (ит. *italianizzazione*, слн. *poitalijančevanje*), при которой сама их идентичность и язык оказались под строжайшим запретом (Parovel 1993; Tasso 2010). Италиянизация затронула также словенцев и хорватов, проживающих на тех территориях, которые позже отошли к Югославии. Свидетельства о тех временах становятся неременной частью рассказов о жизни каждой семьи, о словенском языке в прошлом и настоящем:

(18) Ты не смел петь по-словенски, не смел говорить по-словенски, не смел радоваться по-словенски... и так далее... они были сильнее, запирали тебя, чтобы к тебе никто не мог прийти, иначе сразу прибежали итальянские жандармы (*orožniki talijanski*), эти фашисты, приходили и тебя даже били, вот (ZK, Gorizia).

До сих пор у словенского населения (особенно в Венецианской Словении) сохраняются и живая память о тех временах, и страх говорить на родном языке, особенно с незнакомыми людьми. Нам приходилось сталкиваться с этим явлением при полевой работе: с посторонними представители старшего поколения стараются общаться на итальянском и с трудом переходят на родной диалект (для многих уже в значительной степени забытый) лишь тогда, когда выстраиваются более-менее доверительные отношения. Об этом страхе говорит одна из наших собеседниц из провинции Гориция (San Floriano del Collio):

(19) Я помню, мы были в Бенечии с нашим известным священником, и когда мы поднялись наверх, на Матаюр, мы запели бенечийские песни, пришел один мужчина из деревни и сказал: «Знаете что, — сказал он, — мне так нравится слушать эти песни! Но мне так страшно! Пойте потише!» (“*Jaz tako zelo rad poslušam! Ma se tako bojim! Pojte bolj potihem*”) (JK, San Floriano del Collio).

Порой эти воспоминания очень трагичны (особенно в нарративах представителей старшего поколения), они содержат описания издевательств и даже пыток, которым фашисты подвергали словенское население за использование родного языка. В целом данный период (20-е — начало 40-х гг. XX в.) с его языковой политикой, направленной против словенского языка и вообще словенской идентичности, воспринимается словенцами как «национальная травма» (Пилипенко 2015: 391–392).

СВОЙ И ЧУЖОЙ ЯЗЫК

У словенского и романского населения до сих пор употребляются взаимные этнофолизмы, которые также были отмечены нами в ходе

работы с информантами-словенцами. Словенцы называют итальянцев и фриульцев *lahi* (ед. ч. *lah*): «пейор. представитель итальянской национальности в определенных социальных ролях, особенно как военный-оккупант», синонимы: *makaronar*; *polentar* (*Slovar slovenskega knjižnega jezika* s.v. *lah*). Итальянцы и фриульцы, со слов словенцев, в свою очередь, уничижительно именуют их (и вообще славян) *ščavi* (ед. ч. *ščáv*) (слн.): «пейор. в итальянском окружении словенец, (южный) славянин» (*Slovar slovenskega knjižnega jezika* s.v. *ščav*). В фриульско-словенском словаре находим лексему *Sclaf* ‘раб’, второе значение которой — ‘словенец’, ‘славянин’; *Slave* ‘славянка, словенка’; *Slavanie* ‘Словения’; *Slavon* ‘словенец в Венецианской республике’ (*Furlansko-slovenski slovar* s.v. *Slave*, *Slavanie*, *Slavon*, *Sclaf*). Поскольку лексемы *slave* и *sclaf* имеют фонетическое сходство, этноним приобретает пейоративную окраску и выступает в качестве этнофолизма. Такая же ситуация наблюдается и в итальянском языке (*schiavon*). В словаре итальянского языка находим лексему *Schiavo* (*schiafone*), она относится к объектам, связанным с восточным берегом Адриатики или с прилегающими регионами, которые принадлежат к славянской лингвистической группе, к культуре и цивилизации населяющих эту территорию народов (то есть южных славян — хорватов, далматинцев — и вообще славян), например *Mare schiavo* — «Адриатика» (Battaglia 1995: 999–1000). Однако, чтобы более детально изучить ситуацию, связанную с бытованием словенско-романских этнофолизмов, требуется дополнительное полевое исследование.

У словенцев относительно итальянцев и фриульцев бытует стереотип, что те не способны выучить словенский язык (впрочем, легко опровергаемый, так как итальянцы и фриульцы в смешанных семьях, судя даже по свидетельствам наших информантов, часто овладевают словенским языком супруга):

(20) Тут вообще есть такое мнение, не знаю, насколько это правда, насколько нет, что романские народы тяжело осваивают другие языки (*romanski narodi težko sprejemejo druge jezike*)... ничего дурного, просто так уж оно есть (АК, Števerjan).

(21) Соб.¹⁰: А итальянцы и фриульцы не говорили по-словенски?
Инф.: Нет, ни один... не понимали... (ЗК, Gorizia).

Если кто-либо из итальянцев или фриульцев все же осваивал словенский язык, то говорил на нем с ошибками, такой язык, по свидетельству одного из наших информантов, назывался “*makaronska slovenščina*” (adv. “*makaronsko*”). Рассказывая о своем отце-фриульце, он говорит:

¹⁰ Здесь «Соб.» — собиратель, «Инф.» — информант.

(22) Отец был больше так... даже не знал словенского, ну то есть знал так словенский... макарон-... макаронский словенский (*makaronsko slovenščino*), ну, так, без падежей, но он знал, понимал все... (ML, Gorizia).

О самих себе словенцы сообщают, что они являются билингвами, владеют несколькими идиомами: наряду со словенским языком (как правило, это диалект, но в некоторых случаях к нему добавляется также и литературный язык), они используют язык этнического большинства — итальянский (иногда в его диалектной форме), реже еще и фриульский, например:

(23) У нас все — мама, папа, дядя — по-итальянски, по-словенски, по-фриульски, на всех трех языках, а дядя еще и по-немецки хорошо говорил (MČ, Savogna d'Isonzo).

(24) Мама ходила на рынок продавать овощи. И там было такое смешанное окружение (*mešan ambient*), и я много раз слышал, когда я ходил помогать маме, как она говорила на трех языках: по-словенски, по-итальянски, по-фриульски (ML, Gorizia).

Характерной особенностью социолингвистической ситуации данного региона является то, что не все словенцы знают словенский литературный язык, как правило, им владеют лишь те, кто проходил обучение в словенских школах в университетах (в Триесте или Удине). В языке и в речи присутствует множество заимствований, романских элементов, переключения на итальянский язык (Пилипенко 2017: 166–168). В последнее время наблюдается возрождение интереса к словенскому языку: открываются двуязычные школы и школы со словенским языком обучения (Slovene... 2020; Vogatec 2015).

Помимо трудностей в освоении соседями словенского языка, наши информанты отмечают, что романоязычным соседям тяжело даются словенские имена:

(25) Меня все зовут Здравко, и для словенцев я в основном Здравко, а для итальянцев я официально Валентино... много итальянцев тоже знают, что я Здравко, и они меня называют Здравко, но итальянцам трудно произнести «Здравко», поэтому они чаще меня называют Валентино (*ker je bolj težko za rečt Zdravko, me kliče raje Valentino*)... но, как я раньше говорил, они меня вообще не понимают, иногда они меня зовут, и я вообще не разбираю, кого они зовут, хотя я... они такие умные, образованные, но даже прочитать не могут... да-да, иногда отчаяние берет (*včasih je obupno*) (ZK, Gorizia).

СВОИ И ЧУЖИЕ ИМЕНА

Последний пример (текст № 25) также демонстрирует тенденцию к двуименности: словенцы часто имеют два варианта имени, один официальный (*uradni*), а другой локальный словенский (*po domače*). Причем это могут быть два варианта одного христианского имени: *Janez — Giovanni, Vilijem — Guglielmo, Jože — Giuseppe*. Однако имена могут выступать и в форме перевода: *Zdravko — Valentino, Živa — Viviana, Jasna — Clara, Božo — Natale*, ср. также аналогичные случаи в других смешанных полиэтнических сообществах (Pilipenko 2018: 290–291).

В настоящее время словенцы стараются подбирать имена своим детям так, чтобы они были благозвучными как для словенского, так и для итальянского восприятия. Особенно это актуально в смешанных словенско-итальянских и словенско-фриульских семьях.

Наши информанты рассказывают также о том, что в рамках «итальянизации» словенцам меняли не только имена, но и фамилии:

(26) Тогда, при фашизме, если кто-то был, не знаю, Божич, то его записывали Босси (*če eden je bil, ne vem, Božič, te je zapisu Bossi*), другой был Сардоч, его переименовывали на Сардо (*eden je bil Sardoč, je peršow Sardo ven*), моментально, за одну ночь! Если у тебя была государственная должность или что-то ты по службе делал, тебя просто ни о чем не спрашивали, тебя просто «перекрещивали», хорошо еще, если удачно, а если нет?! (Соб.: И фамилии тоже?) И фамилии! Конечно! Запросто! Мой отец избежал этого, потому что мы были крестьяне и работали на себя... <...> руководители были тогда итальянцы... они его вызвали, чтобы он поменял фамилию, а мой отец воспротивился, он сказал, что пока мой отец жив, еще мой дед, я не поменяю фамилию, и так получилось, что у нас осталась фамилия Кланшчек, прямо по-словенски фамилия записана, но только как ее ни записывают, разными способами. Я сейчас добился того, что она у меня записана прямо *Klanšček*, именно по-словенски. Только я вместо Здравко был записан Валентино... потому что Здравко во время фашизма было невозможно, это было словенское имя, славянское, и это нельзя было... И я был записан Валентино, потому что Валентин — это Здравко, 14 февраля — Валентин-Здравко... моя мама хотела назвать меня Здравко, но это было невозможно, и я остался Валентино, так что мое официальное имя Валентино (*takole uradno moje ime moje Valentino*) (ZK, Gorizia).

В процессе «итальянизации» фамилии так же, как и имена, иногда переводили на итальянский. Ср. пример, записанный в провинции Триест: «Посмотри, я родился в семье Лисьяк, а затем потребовали, чтобы мы сделали также итальянское, и убрали Лисьяк, и я стал только Вольпи

(Т)» (Пилипенко 2015: 393) (ит. *volpe* ‘лисица’, слн. *lisica* ‘лисица’). Пример такого перевода представляет собой фамилия *Negro*, которая также встречается и в словенском варианте — *Černo* (ит. *negro* ‘черный’, слн. *črn* ‘черный’).

Впоследствии некоторые словенцы из провинций Гориция и Триест вернули себе словенские фамилии, несмотря на различные бюрократические сложности, с которыми пришлось столкнуться при этой процедуре. Преодолеть все преграды, чтобы изменить фамилию, в том числе в словенской графике, могли только наиболее высокомотивированные люди, обладающие обостренным чувством словенского патриотизма. Приведем рассказ одной из наших собеседниц, которой удалось пройти через все препоны и восстановить свою фамилию:

(27) В 1973 году я получила документ у священника... согласно которому, нам в 1933 году фашисты изменили фамилию, и потом мы хотели, мы с сестрой решили, что мы хотим вернуть назад, и я сама подготовила кучу документов, все очень сложно было... и в 1973 году меня вызвал... карабинеры... в каждой деревне были карабинеры... потому что мы рядом с границей <...> и меня позвал тот констебль, этот низший чин, чтобы я пришла в участок, потому что он хочет, чтобы маршал, этот главный, поговорил со мной, я пошла, и он меня там спрашивал, почему это я хочу вернуть фамилию, не собираюсь ли я переехать в Югославию, а я ответила: «Нет, здесь наш дом». «Да, — сказал он, — а зачем тогда меняете, чем вас не устраивает эта фамилия?», ну тот... «Так нам ее фашисты изменили, Италия!» Я сказала: «Нет, нет». — «Но вам не имеет смысла». — «Как это не имеет смысла?!» — «Ну ладно, говорит, вам назначат день», меня так пугал в 1973 году (МЃ, Savogna d'Isonzo).

Интересно, что при этом предметом особой гордости становится словенская диакритика (*strešice*), она превращается в своего рода символ словенской идентичности, ее стремятся вернуть в написание фамилий.

СВОЯ И ЧУЖАЯ ТОПОНИМИЯ

Сходные тенденции наблюдаются и в топонимии — наряду с итальянскими, словенцы сохраняют свои названия для населенных пунктов. Особая ситуация сложилась в городе Гориция, который оказался разделен границей таким образом, что исторический центр и большая часть города остались в Италии. Со стороны Югославии, которой отошли окраины, был построен новый город, получивший название Нова-Горица, таким образом два города, новый и старый, представляют собой города-близнецы (о подобных городах в разных частях мира см.: *Twin Cities...* 2018). До сих пор словенцы, проживающие на территории Гориции (в ее

итальянской части), сохраняют в памяти словенские названия улиц и мест в городе (например, *Piazza Vittoria* словенцы называют *Travnik*):

(28) Италия пришла после Австрии, ну, Италия пришла после окончания Первой мировой войны, впервые пришли сюда итальянцы, а до этого мы были... и назвали Пьяцца Витториа, а мы, словенцы, нарочно пишем «Травник» (JP, Gorizia).

(29) Здесь только Травник, эта площадь здесь, в старые времена она называлась Травник по-словенски... и когда пришли итальянцы, они сделали Пьяцца Витториа, ну площадь Победы, ну... то есть победа... но у словенцев было свое название — Травник, и мы скорее скажем, что встретимся на Травнике, мы не говорим, что встречаемся на Пьяцца Витториа, этого нет (*se dobimo na Travniku, ne, mi ne rečemo na Piazzе Vittoriji, ne, tisto nima...*) (AK, Gorizia).

Названия населенных пунктов на территории проживания словенцев в Италии имеют параллельно словенские и итальянские аналоги (отраженные в том числе в двуязычных указателях), при этом итальянские зачастую представляют собой близкие по фонетическому облику, но лишённые внутренней формы наименования, на что обращают внимание наши информанты:

(30) По-итальянски потом написали Джазбана (*Giasbana*), потому что итальянцы все переименовывали... хорошо если еще приблизительно похоже переделают, а то так переименуют, что вообще не разберешь (ZK, Gorizia).

Ср. аналогичное объяснение, записанное Г. П. Пилипенко от его информанта в провинции Триест: «Это все переделано из словенского языка, например, Набрежина Ауризина не имеет смысла, думаю, что это не имеет этимологической основы, так же как фамилии, много их итальянизировали (N)» (Пилипенко 2015: 393).

Точно так же не имеют внутренней формы такие итальянизированные географические названия, как Savogna (слн. *Sovodnje* из *so+voda*, букв. ‘слияние вод’), упомянутая выше Giasbana (слн. *Jazbine* от *jazbec* ‘барсук’). Ряд итальянских топонимов представляет собой перевод словенских: *Križišče/Bivio*, *Brda/Collio*, *Sveta gora/Montesanto* и др. Итальянизация словенских по происхождению топонимов происходила в Италии задолго до установления фашизма, названия населенных пунктов в Венецианской Словении были итальянизированы еще в XIX в. (Kaučič-Vaša 2007: 195).

СВОЯ И ЧУЖАЯ ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА

Пограничное самосознание находит отражение и в традиционной культуре. Несмотря на общий католический календарь, состав и ритуальное наполнение праздников у словенцев и их соседей несколько различаются. Например, словенцы воспринимают как чуждый итальянский праздник *Befana*, противопоставляя ему свой — *Sveti Trije Kralji*. В лексике традиционной культуры словенцев в Италии встречается множество заимствований из романских языков (так же как и в некоторых других лексико-семантических группах, например терминах родства, названиях культурных растений, см.: Пилипенко 2016). Только в рождественской обрядности нам встретились следующие термины: *Nadal* («Рождество», из фриул. *Nadâl*), *presepio* (из ит. «ясли рождественские», «вертеп»), *Gesù Bambino* (из ит. «Младенец Иисус»), *albero di Natale* (из ит. «рождественская елка»); ср. аналогичную ситуацию с языковыми заимствованиями в Румынии у старообрядцев-липован (Плотникова 2016: 95–113). Исследованию традиционной культуры словенцев на итальянско-словенском пограничье можно посвятить не одну объемную работу, в рамках настоящей статьи приведем лишь один пример, иллюстрирующий «пограничную» специфику некоторых обычаев, сложившихся в данном регионе. Эта традиция связана с установкой «майского деревца» (*maj*, *mlaj*) (Валенцова 1999), которое со временем утратило свою связь с вегетацией и матримониальную символику и стало восприниматься как символ праздника, чему способствовало в том числе время установки деревца — 1 мая (Международный день трудящихся). У словенцев сложился обычай украшать «май» красным флагом — социалистическим символом. Однако с некоторых пор в обществе появилось неоднозначное отношение к социалистическим символам, поэтому деревце, украшенное красным флагом, не все словенцы воспринимали позитивно, считая красный флаг признаком «левой» политической ориентации. Это привело к тому, что несогласные с данным символом стали ставить второе, альтернативное, деревце и украшать его национальным (словенским) флагом. Впрочем, словенские флаги, в свою очередь, могли вызывать болезненную реакцию у итальянского населения (при этом словенцы не желали идти на уступки и вывешивать, например, два флага — словенский и итальянский). В таких случаях красный флаг мог выступать в качестве нейтрального символа и использовался, чтобы примирить обе стороны и уйти от «национального» вопроса (Пилипенко, Ясинская 2018).

Пограничное мировосприятие находит отражение в самых разных жанрах и текстах фольклора и традиционной народной культуры. В качестве примера приведем текст, относящийся к так называемым малым формам фольклора — метеорологическим паремиям:

(31) Это говорили... скажем, если на западе небо было красное, то есть если закат был красный, говорили, что это фриулка подняла юбку (*Furlanka je dvignila krilo*) (МС, Savogna d'Isonzo)

Номинации, включающие наименования чужих народов, наиболее характерны именно для пограничных зон, в данном случае упоминается фриулка — представительница соседствующего со словенцами романского народа; о подобных ксенономинациях в области народной метеорологии см.: (Березович 2007: 419–426). Сбор подобных текстов малых фольклорных жанров, содержащих ксенономинации, и анализ их заслуживают отдельного исследования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, жизнь на пограничье накладывает особый отпечаток на мировоззрение и мировосприятие людей. Это выражается в том числе и в самом факте возникновения особого жанра — «пограничного нарратива», причем речь идет о границе не только пространственной, но и временной (например, воспоминания о прокладывании границы). Подобные нарративы группируются вокруг темы пограничья, в них прослеживаются устойчивые мотивы: смена домом прописки, прокладывание границы, повседневная жизнь на приграничной территории, когда обычные вещи и действия превращаются в целое действо. Сама граница в этих рассказах предстает не как непреодолимая преграда, а как центр притяжения: общение через границу происходило постоянно, тем более что за ней осталась «материковая» часть Словении, а наши информанты оказались «островным» этническим меньшинством в окружении романского большинства, хотя и в непосредственной близости от родной, материнской, культуры. Близость границы выступает как фактор, благодаря которому актуализируются механизмы самоидентификации, на первый план выходят проблемы «своего» и «чужого», поэтому неудивительно, что в «пограничные нарративы» органично включаются такие темы, как «свои и чужие люди», «свой и чужой язык» (личные имена, топонимы, заимствованная лексика), «своя и чужая традиционная культура» и т. п. К такому же выводу приходит и А. Каттунар, анализируя воспоминания второго поколения жителей исследуемого пограничья: «Граница остается важной составляющей частью идентичности, хотя постепенно отходит на второй план истории, она воспринимается как позитивный фактор, как элемент, значимый для данной территории, которая становится все более открытой для соседей, “отличающихся от нас”, но уже не вызывающих страха» (Cattunar 2019: 76). В то же время мы видим, что границы, которые, казалось бы,

остались в далеком прошлом, в критических ситуациях (как, например, эпидемиологическая угроза 2020 г.) могут вновь актуализироваться, вызывая у старожилов эффект дежавю. Таким образом, нарративы о границе, несомненно, пополнятся новыми деталями, связанными с переживанием пограничными жителями текущей (на момент 2020–2021 гг.) ситуации.

Тема пограничья, сконцентрированная в «пограничных нарративах», так или иначе затрагивает все сферы жизни человека, но прежде всего язык и традиционную культуру, которая, с одной стороны, сопротивляется заимствованиям, а с другой — оказывается некоторым образом открыта для них (что мы можем наблюдать, например, в сфере терминологии традиционной духовной культуры).

СПИСОК ИНФОРМАНТОВ:

АК — муж., 1933 г. р., род. в Рупе, живет в г. Гориция. Зап. в 2017 г. Соб. Г. Пилипенко, М. Ясинская.

АК — муж., 1940 г. р., род. и живет в Сан-Флориано-дель-Коллио (Штеверьян). Зап. в 2017 г. Соб. Г. Пилипенко, М. Ясинская.

ЖК — жен., 1941 г. р., живет в Сан-Флориано-дель-Коллио (Штеверьян). Зап. в 2017 г. Соб. Г. Пилипенко, М. Ясинская.

ЈР — муж., 1957 г. р., род. в Випавской долине (Словения), живет в Аквилее (Италия). Зап. в 2017 г. Соб. Г. Пилипенко, М. Ясинская.

МЃ — жен., 1942 г. р., род. и живет в Савонье (Соводне). Зап. в 2017 г. Соб. Г. Пилипенко, М. Ясинская.

МЛ — муж., 1960 г. р. Зап. в г. Гориция в 2017 г. Соб. Г. Пилипенко, М. Ясинская.

VЃ — муж., 1937 г. р., род. и жил в Лузевере (Бардо). Зап. в 2017 г. Соб. Г. Пилипенко, М. Ясинская.

ЗК — муж., 1939 г. р., род. в Верхнем Церово (Словения), живет в Гориции (Италия). Зап. в 2017 г. Соб. Г. Пилипенко, М. Ясинская.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Березович Е. Л. Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования. М.: Индрик, 2007. 599 с.

Дуличенко А. Д. Словенский язык // Языки мира. Славянские языки. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 212–249.

Валенцова М. М. Деревце майское // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. / Под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 2. Д–К (Крошки). М.: Международные отношения, 1999. С. 79–81.

Мараш А. Проблемы демаркации югославо-словенской границы: (1941–1975 гг.) // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 1. С. 75–84.

Мартынова М. Ю. Модель Триеста и население итальяно-словенского пограничья // Европа меньшинств — меньшинства в Европе: Этнокультурные, религиозные и языковые группы. / Отв. ред. и сост. М. Е. Кабицкий, М. Ю. Мартынова. М.: ИЭА РАН, 2016. С. 146–173.

Пилипенко Г. П. Словенцы в провинции Триест: социокультурная и этнокультурная ситуация // Славянский альманах. 2015. № 3–4. С. 383–401.

Пилипенко Г. П. Итальянские заимствования в речи словенцев (провинция Триест) // История, язык, культура Центральной и Юго-Восточной Европы в национальном и региональном контексте: К 60-летию Константина Владимировича Никифорова. М.: Институт славяноведения РАН, 2016. С. 593–607.

Пилипенко Г. П. Переключение кода в русском языке старообрядцев Латгалии // Jezikoslovni zapiski. 2017. № 1. С. 153–171.

Пилипенко Г. П., Ясинская М. В. Из календарной обрядности словенцев в Италии // Живая старина. 2018. № 2. С. 55–58.

Пилипенко Г. П., Ясинская М. В. Экспедиция к словенцам в Италии // Славяноведение. 2018. № 1. С. 106–111.

Плотникова А. А. Славянские островные ареалы: архаика и инновации. М.: Институт славяноведения РАН, 2016. 320 с.

Токарев С. А. Проблемы Триеста и Юлийской Крайны в послевоенном урегулировании в Европе. Дневники члена четырехсторонней Комиссии экспертов по проведению итало-югославской границы. М.: Индрик, 2020. 544 с.

Фолклор пограничја: Теренска и кабинетска истраживања. Уредно Андреј Б. Мороз. // Фолклористика. Часопис Удружења фолклориста Србије. 2019. № 4 (1).

Чмелик Р. Ставлення мешканців українсько-польського пограниччя до кордону // Народознавчі зошити. 2012. № 1 (103). С. 34–39.

Battaglia S. Grande dizionario della lingua italiana. T. XVII. Torino: Unione Tipografico-Editrice Torinese, 1995. 1044 p.

Bezljaj F. Etimološki slovar slovenskega jezika. Knj. IV. Š–Ž. / Ur. M. Snoj, M. Furlan. Ljubljana: Založba ZRC, 2005. 494 p.

Bogatec N. Šolanje v slovenskem jeziku // Razprave in gradivo. Revija za narodnostna vprašanja (Treatises and documents. Journal of ethnic studies). 2015. 74. P. 5–21.

Cattunar A. Il confine delle memorie. Storie di vita e narrazioni pubbliche tra Italia e Jugoslavia (1922–1955). Milano: Mondadori Education, 2014. 388 p.

Cattunar A. Razvoj spominov na mejo med družinskimi zgodbami in javno razpravo // Zamejski, obmejni, čezmejni. Slovenci v Furlaniji — Julijski Krajini deset let po vstopu v Šengensko območje. / Ur. Š. Čok, A. Škarabot. Trst: Slovenski raziskovalni inštitut, 2019. P. 74–77.

Contextualizing Changes: Migrations, Shifting Borders and New Identities in Eastern Europe. / Eds. P. Hristov, A. Kasabova, E. Troeva, D. Demski. Sofia: Paradigma, 2015. 584 p.

Dapit R. La Slavia Friulana. Lingue e culture. Resia, Torre, Natisone. Bibliografia ragionata. Cividale = Čedad: Circolo culturale “Ivan Trinko” = Kulturno društvo “Ivan Trinko”, S. Pietro al Natisone = Špeter: Cooperativa “Lipa” = Zadruga “Lipa”, 1995. 138 p.

Engelking A. Kołchoźnicy. Antropologiczne studium tożsamości wsi białoruskiej przełomu XX i XXI wieku. Toruń: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2012. 858 p.

Furlansko-Slovenski slovar / Il dizionari Furlan-Sloven. / Ur. Janez Erat [электронное издание], 2008. URL: <http://sabotin.p-ng.si/~jezik/furlanscina/> (дата обращения: 16.01.2021).

Kaučič-Baša M. Ohranjane slovenščine med Slovenci na Tržaškem // *Živeti mejo: Slovenska književnost v stiku. Slovenski jezik v stiku. Slavistika in slovaropisje v stiku. Zamejska mladinska književnost, Slovenski slavistični kongres (Trst, 2007).* / Ur. M. Košuta Ljubljana: Slavistično društvo Slovenije, 2007. P. 193–209.

Merku P. Unejci, Onejci ali Vnejci? // *Traditiones.* 1999. Letnik 28. 1. P. 309–310.

Na pograniczu «nowej Europy». Polsko-ukraińskie sąsiedztwo / Red. M. Zowczak. Warszawa: Wydawnictwo DiG, 2010. 744 p.

Parovel P. Izbrisani identitet. Nasilno potalijančevanje prezimena, imena i toponima u “Juljskoj Krajini”, od 1919. do 1945., sa spiskovima iz Tršćanske, Goričke i Istarske pokrajine, te prvih 5.300 dekreta. Pula: Istarsko književno društvo “Juraj Dobrila”, 1993. 235 p.

Pilipenko G. The Ukrainian language in Argentina and Paraguay as an Identity Marker // *Slověne.* 2018. № 1. P. 281–307.

Ravnik M. Beneški Slovenci // *Slovenski etnološki leksikon* / Ur. A. Baš. Ljubljana: Mladinska knjiga, 2004. P. 31.

Slovar slovenskega knjižnega jezika. Druga, dopolnjena in deloma prenovljena izdaja. Elektronska objava. Spletna izdaja na www.fran.si. Ljubljana, 2014. URL: <https://fran.si/133/sskj2-slovar-slovenskega-knjiznega-jezika-2> (дата обращения: 16.01.2021).

Slovene. The Slovene language in education in Italy / Ur. N. Bogatec. Leewarden: Mercator European Research Centre on Multilingualism and Language Learning, 2020. 55 p. URL: https://www.mercator-research.eu/fileadmin/mercator/documents/regional_dossiers/slovene_in_italy_3rd.pdf (дата обращения: 16.01.2021).

Slovensko-nemški slovar / Ur. M. Pleteršnik. T. II (P–Ž). Ljubljana: Založilo in na svetlo dalo knezoškofijstvo, 1895. URL: <https://www.fran.si/136/maks-pletersnik-slovensko-nemski-slovar> (дата обращения: 16.01.2021).

Smole V. Slovenska narečja // *Enciklopedija Slovenije.* T. 12. Ljubljana: Mladinska knjiga, 1998. P. 1–5.

Smuggling Antologies Reader. / Ur. A. Peraica Rijeka: MMSU, 2015. 350 p.

Steenwijk H. The Slovene dialect of Resia: San Giorgio (Studies in Slavic and General Linguistics. Vol. 18). Amsterdam; Atlanta GA: Rhodopi, 1992. 352 p.

Stranj P. Slovensko prebivalstvo Furlanije – Julijske Krajine v družbeni in zgodovinski perspektivi. Trst: Slovenski raziskovalni inštitut, 1999. 366 p.

Tasso M. Un onomasticidio di Stato, Introduzione di Boris Pahor. Trieste: Mladika s.c.a.r.l., 2010. 192 p.

The Palgrave Handbook of Slavic Languages, Identities and Borders / Eds. T. Kamusella, M. Nomachi, C. Gibson. London: Palgrave Macmillan, 2016. 561 p.

Twin Cities: Urban Communities, Borders and Relationships over time. Eds. Garrard J., Mikhailova E. London: Routledge, 2018. 358 p.

Zamejski, obmejni, čezmejni. Slovenci v Furlaniji — Julijski Krajini deset let po vstopu

v Šengensko območje. / Ur. Š. Čok, A. Škarabot. Trst: Slovenski raziskovalni inštitut, 2019. 170 p. URL: http://www.slori.org/wp-content/uploads/2019/06/zbornik_schengen_def.pdf (дата обращения: 16.01.2021).

Zowczak M. Religijność na pograniczych: Eseje apokryficzne. Warszawa: Wydawnictwo DiG, 2015. 256 p.

Živeti mejo: Slovenska književnost v stiku. Slovenski jezik v stiku. Slavistika in slovaropisje v stiku. Zamejska mladinska književnost, Slovenski slavistični kongres (Trst, 2007)/Ur. M. Košuta Ljubljana: Slavistično društvo Slovenije, 2007. 400 p.

REFERENCES

Berezovich E. L. *Yazyk i traditsionnaia kul'tura: Etnolingvističeskie issledovaniia* [Language and Traditional Culture: Ethnolinguistic studies]. Moscow: Indrik Publ., 2007. (In Russian).

Bogatec N. Šolanje v slovenskem jeziku [Education in the Slovene Language]. *Razprave in gradivo. Revija za narodnostna vprašanja* [Treatises and documents. Journal of ethnic studies], 2015, 74, pp. 5–21. (In Slovenian).

Cattunar A. *Il confine delle memorie. Storie di vita e narrazioni pubbliche tra Italia e Jugoslavia (1922–1955)* [The boundary of memories. Life stories and public narratives between Italy and Yugoslavia (1922–1955)]. Milano: Mondadori Education, 2014. (In Italian).

Cattunar A. Razvoj spominov na mejo med družinskimi zgodbami in javno razpravo [Developing memories of the border between family stories and public debate]. *Zamejski, obmejni, čezmejni. Slovenci v Furlaniji – Julijski Krajini deset let po vstopu v Šengensko območje* [Behind, close to and beyond the border: Slovenes in the Friuli Venezia Giulia region ten years after Slovenia's accession to the Schengen area]. Ur. Š. Čok, A. Škarabot. Trst: Slovenski raziskovalni inštitut, 2019, pp. 74–77. (In Slovenian).

Chmelik R. Stavlenia meshkantsiv ukraïns'ko-pol'skogo pogranichchia do kordonu [The attitude of residents of the Ukrainian-Polish border to the border]. *Narodoznavchi zoshiti*, 2012, no. 1 (103), pp. 34–39. (In Ukrainian).

Contextualizing Changes: Migrations, Shifting Borders and New Identities in Eastern Europe. Eds. P. Hristov, A. Kasabova, E. Troeva, D. Demski. Sofia: Paradigma, 2015.

Dulichenko A. D. Slovenskii yazyk [Slovene language]. *Yazyki mira. Slavijskie yazyki* [Languages of the world. Slavic languages]. St. Petersburg: Nestor-Istoria Publ., 2017, pp. 212–249. (In Russian).

Engelking A. *Kolchoźnicy. Antropologiczne studium tożsamości wsi białoruskiej przelomu XX i XXI wieku* [Kolkhozniks. Anthropological study of Belarusian village identity at the turn of the 20th and 21st centuries]. Toruń: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2012. (In Polish).

Folklor pogranichja: Terenska i kabinetska istrazhivanja [Folklore of the borderlands: field and desk research]. Ed by Andrej B. Moroz. *Folkloristika. Chasopis Udruženja folklorista Srbije* [Folklore studies. Journal of the Association of Folklorists of Serbia], 2019, no. 4 (1). (In Serbian).

Kaučič-Baša M. Ohranjane slovenščine med Slovenci na Tržaškem [Preserving Slovene among Slovenes in Trieste]. *Živeti mejo: Slovenska književnost v stiku. Slovenski jezik v stiku*.

Slavistika in slovaropisje v stiku. Zamejska mladinska književnost, Slovenski slavistični kongres (Trst, 2007) [Living the border: Slovenian literature in contact. Slovenian language in contact. Slavic studies and lexicography in contact. Cross-border youth literature, Slovenian Slavic Congress (Trieste, 2007)]. Ed. by M. Košuta Ljubljana: Slavistično društvo Slovenije, 2007, pp. 193–209. (In Slovenian).

Marash A. Problemy demarkatsii iugoslavsko-slovenskoi granitsy: (1941–1975 gg.) [Problems of demarcation of the Yugoslav-Slovenian border: (1941–1975)]. *Vestnik MGIMO-Universiteta* [MGIMO Review of International Relations], 2012, no. 1, pp. 75–84. (In Russian).

Martynova M. Yu. Model' Triesta i naselenie ital'iano-slovenskogo pogranich'ia [The model of Trieste and the population of the Italian-Slovenian border]. *Evropa men'shinstva — men'shinstva v Evrope: Etnokul'turnye, religioznye i iazykovye gruppy* [Europe of Minorities — Minorities in Europe: Ethno-cultural, Religious and linguistic groups]. Eds by M. E. Kabitskii, M. Yu. Martynova. Moscow: IEA RAN Publ., 2016, pp. 146–173. (In Russian).

Merku P. Unejci, Onejci ali Vnejci? ["Unejci", "Onejci" or "Vnejci"?]. *Traditiones*, 1999, no. 28, 1, pp. 309–310. (In Slovenian).

Na pograniczu «nowej Europy». Polsko-ukraińskie sąsiedztwo [On the border of the "new Europe". Polish-Ukrainian neighborhood]. Ed. by M. Zowczak Warszawa: Wydawnictwo DiG, 2010. (In Polish).

Parovel P. *Izbrisani identitet. Nasilno potalijančevanje prezimena, imena i toponima u "Juljskoj Krajini", od 1919. do 1945., sa spiskovima iz Tršćanske, Goričke i Istarske pokrajine, te prvih 5.300 dekreta* [Deleted identity. Violent Italianization of surnames, names and toponyms in the "Julian Krajina", from 1919 to 1945, with lists from the provinces of Trieste, Gorizia and Istria, and the first 5,300 decrees]. Pula: Istarsko književno društvo "Juraj Dobrila", 1993. (In Croatian).

Pilipenko G. The Ukrainian language in Argentina and Paraguay as an Identity Marker. *Slověne*, 2018, no. 1, pp. 281–307. (In English).

Pilipenko G. P. Ital'ianskie zaimstvovaniia v rechi sloventsev (provintsii Triest) [Italian loanwords in the speech of Slovenes (province of Trieste)]. *Istoriia, iazyk, kul'tura Tsentral'noi i Iugo-Vostochnoi Evropy v natsional'nom i regional'nom kontekste: K 60-letiiu Konstantina Vladimirovicha Nikiforova* [History, Language, Culture of Central and South-Eastern Europe in the National and regional Context: To the 60th anniversary of Konstantin Vladimirovich Nikiforov]. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN Publ., 2016, pp. 593–607. (In Russian).

Pilipenko G. P. Perekliuchenie koda v russkom iazyke staroobriadtsev Latgalii [Codeswitching in the Russian language of the Old Believers of Latgale]. *Jezikoslovni zapiski*, 2017, no. 1, pp. 153–171. (In Russian).

Pilipenko G. P. Sloventsy v provintsii Triest: sotsiokul'turnaia i etnokul'turnaia situatsiia [Slovenes in the province of Trieste: Socio-cultural and ethno-cultural situation]. *Slavianskii al'manakh* [Slavic Almanac], 2015, no. 3–4, pp. 83–401. (In Russian).

Pilipenko G. P., Yasinskaya M. V. Ekspeditsiia k sloventsam v Italii [Expedition to the Slovenes in Italy]. *Slavianovedenie* [Slavic Studies], 2018, no. 1, pp. 106–111. (In Russian).

Pilipenko G. P., Yasinskaya M. V. Iz kalendarsnoi obriadnosti sloventsev v Italii [From the calendar rites of Slovenes in Italy]. *Zhivaia Starina*, 2018, no. 2, pp. 55–58. (In Russian).

Plotnikova A.A. *Slavianskie ostrovnnye arealy: arkhaiika i innovatsii* [Slavic island areas: archaism and innovation]. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN Publ., 2016. (In Russian).

Ravnik M. Beneški Slovenci [Venetian Slovenes]. *Slovenski etnološki leksikon* [Slovenian ethnological lexicon]. Ed. by A. Baš Ljubljana: Mladinska knjiga, 2004, p. 31. (In Slovenian).

Slovene. The Slovene language in education in Italy. Ed. by N. Bogatec Leewarden: Mercator European Research Centre on Multilingualism and Language Learning, 2020. (In English)

Smole V. Slovenska narečja [Slovene dialects]. *Enciklopedija Slovenije* [Encyclopedia of Slovenia], t. 12. Ljubljana: Mladinska knjiga, 1998, pp. 1–5. (In Slovenian).

Steenwijk H. *The Slovene dialect of Resia: San Giorgio* (Studies in Slavic and General Linguistics. Vol. 18). Amsterdam, Atlanta GA: Rhodopi, 1992. (In English).

Stranj P. *Slovensko prebivalstvo Furlanije – Julijske Krajine v družbeni in zgodovinski perspektivi* [The Slovenian population of Friuli — Venezia Giulia in a social and historical perspective]. Trst: Slovenski raziskovalni inštitut, 1999. (In Slovenian).

Tasso M. *Un onomasticidio di Stato* [A state onomasticide]. Introduction by Boris Pahor. Trieste: Mladika s.c.a.r.l., 2010. (In Italian).

The Palgrave Handbook of Slavic Languages, Identities and Borders. Eds T. Kamusella, M. Nomachi, C. Gibson London: Palgrave Macmillan, 2016. (In English).

Tokarev S. A. *Problemy Triesta i Iulijskoi Krainy v poslevoennom uregulirovanii v Evrope. Dnevnik chlena chetyrehstoronnei Komissii ekspertov po provedeniiu italo-iugoslavskoi granitsy* [The problems of Trieste and the Julian Kraina in the post-war settlement in Europe. Diaries of a member of the Quadripartite Commission of Experts on the Italian-Yugoslav Border]. Moscow: Indrik. 2020. (In Russian).

Twin Cities: Urban Communities, Borders and Relationships over time. Eds J. Garrard, E. Mikhailova. London: Routledge, 2018. (In English).

Valentsova M. M. Derevtse maiskoe [May Tree]. *Slavianskie drevnosti. Etnolingvisticheski slovar'* [Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary]. Ed. by N. I. Tolstoy. T. 2. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 1999, pp. 79–81. (In Russian).

Zamejski, obmejni, čezmejni. Slovenci v Furlaniji — Julijski Krajini deset let po vstopu v Šengensko območje [Behind, close to and beyond the border: Slovenes in the Friuli Venezia Giulia region ten years after Slovenia's accession to the Schengen area]. Eds Š. Čok, A. Škarabot. Trst: Slovenski raziskovalni inštitut, 2019. (In Slovenian).

Zowczak M. *Religijność na pograniczach: Eseje apokryficzne* [Religiousness on the borderlands: Apocryphal essays]. Warszawa: Wydawnictwo DiG, 2015. (In Polish).

Živetni mejo: Slovenska književnost v stiku. Slovenski jezik v stiku. Slavistika in slovaropisje v stiku. Zamejska mladinska književnost, Slovenski slavistični kongres (Trst, 2007) [Living the border: Slovenian literature in contact. Slovenian language in contact. Slavic studies and lexicography in contact. Cross-border youth literature, Slovenian Slavic Congress (Trieste, 2007)]. Ed. by M. Košuta Ljubljana: Slavistično društvo Slovenije, 2007. (In Slovenian).

Submitted: 17.01.2021

Accepted: 10.02.2021

Article published: 01.04.2021